

Христианское чувство или любовь к искусству? К вопросу о феномене меценатства старообрядческих предпринимателей в XIX — начале XX в.

EDN GHIXFH

Аннотация. Статья посвящена выявлению характера покровительства старообрядческих предпринимателей искусству, в том числе коллекционирования его произведений. В старообрядчестве в условиях строгого традиционализма запрет на новизну вероучения и обряда был распространен на повседневную жизнь верующих, подвергшуюся регламентации. С развитием российского общества с середины XIX в. происходило постепенное ограничение аскетизма и трансформация традиционализма во всех сферах деятельности старообрядца в рамках «примирения с окружающей жизнью». Однако европеизация образа жизни и повышение образовательного уровня крупных предпринимателей-старообрядцев не препятствовали сохранению ими религиозности и приверженности традиционным ценностям. По свидетельству самих предпринимателей, наиболее ценными предметами для старообрядца были иконы «канонического письма», а также старопечатные «читательные» книги и рукописи — священные, литургические, христианские протрептические, агиографические и другие тексты, которые воспринимались как религиозные предметы — «святые дары», духовно связанные с церковью и молитвой. Собранные книги и иконы часто завещали или дарили старообрядческим общинам, церквям или монастырям. Некоторые коллекции были настолько ценными, что впоследствии стали существенными элементами современных музейных коллекций. Любовь к «внешнему» искусству (картинные галереи, театры) не была распространена среди старообрядцев. Таким образом, старообрядцы, за редчайшим исключением, поддерживали искусство лишь в его религиозных формах.

Ключевые слова: старообрядчество, меценатство, коллекционирование, религиозность, традиционные ценности, иконы, старопечатные книги.

Явление меценатства в среде русских предпринимателей широко освещалось исследовательской литературой (Е. П. Карнович, С. А. Щербатов, А. П. Боткина, Н. Г. Думова, А. Н. Боханов, М. Л. Гавлин, П. Н. Мешалкин и мн. др.). В работах этих авторов содержится в первую очередь подробное описание соответствующей деятельности предпринимателей-филантропов и, в определенной степени, начинается выявление факторов предпринимательского меценатства. Однако это явление — в отличие от благотворительности — не было проанализировано в конкретном контексте истории российского старообрядческого предпринимательства. Исследовательская литература охватывает лишь отдельные случаи (прежде всего, С. Т. Морозова), но не устанавливает взаимосвязи между покровительством искусству и верой. Тем не менее конфессиональные факторы имели первостепенное значение не только для благотворительности, но и для меценатства ревнителей древнего благочестия.

Поэтому **целью** данного исследования стало выявление характера покровительства старообрядческих предпринимателей искусству, в том числе коллекционирования его произведений. Пожертвования бизнесменов-старообрядцев российским учреждениям науки и образования рассматриваются как благотворительность. В исследовании были использованы традиционные **методы** исторических исследований (историко-генетический, историко-типологический и историко-сопоставительный). Использовались многочисленные **исторические источники**, как изданные, так и архивного хранения, иллюстрирующие деятельность старообрядческих предпринимателей (мемуарные и эпистолярные; делопроизводственные — учредительные документы религиозных общин, документы предприятий, полицейские рапорты; нормативные — своды правил, уставы; и т. д.).

Вся жизнь старообрядцев XVIII–XIX вв. была связана с подготовкой к спасению бессмертной души. Весь путь прижизненной подготовки к спасению души — христианского подвига — был связан с глубоким традиционализмом в догматах и обрядах, а также в повседневной жизни, что препятствовало европеизации этой части российского социума.

Важнейшей причиной консервации традиции было то, что старообрядцами на всем протяжении их истории ставилась задача «бегать новизны..., если новизна непотребна, то старина священна»¹. «Не выходим за пределы, установленные отцами»², — подчеркивал один из основателей старообрядчества, протопоп Аввакум. Речь шла, прежде всего, о задаче избегать именно религиозной, «церковной» новизны: «уклоняться... скверных новизн слов... то есть — новых учений, дел, мнений противных старины и древности, в случае принятия которых, необходимо должна рушиться вера благодатных отцев»³.

Однако в развитие тенденции второй половины XVII в. в старообрядчестве запрет на «пагубное дело изобретать новизны, приводить в церковное исполнение что-либо новое»⁴ был распространен на все стороны методически регламентированной жизни верного. Произошло оцерковление повседневной жизни, когда даже быт ревнителя древнего благочестия оказался включенным в вероисповедный контекст, стал путем к спасению. В этих условиях правила, кажущиеся бытовыми, в действительности воспринимались неразделимо с правилами религиозной жизни, исповедания веры. В условиях сакрализации повседневности,

¹ Историко-каноническое обозрение старообрядческого общества. Первый систематический опыт. В М[оскве]. 1893 года. Л. 34–34 об. (из фондов ИНИОН РАН).

² Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 202.

³ Историко-каноническое обозрение старообрядческого общества. Л. 34–34 об.

⁴ Там же. Л. 38.

обмирщения аскезы и методизма нормы повседневной жизни с конца XVII до середины XIX в., по свидетельству современников, у староверов «отождествлялись с сущностью веры». Идея «оцерковления твари» в старообрядчестве составила один из факторов сохранения и возрождения «древнего благочестия». В сакральной общине, отчетливо осознававшей себя как сообщество верующих, образующих саму церковь, вся повседневная жизнь была строго подчинена конфессионально-этическому самоконтролю. Его сильным стимулом стало обостренное эсхатологическое чувство. Когда вы что-либо делаете, — учили старообрядцев духовные руководители, — «всегда о суде и о пришествии праведного судии певайтесь и помышляйте на сердца ваших и глаголите себе, какова убо кромешная тьма, и каково убо есть, негасимый огонь, и червь не усыпаяй, и каков убо скрежет зубиша...»⁵.

Эта сакрализация была настолько осознанной, что распространенным обозначением паствы синодальной церкви, в отличие от староверов («верных», «христиан» и пр.), стал термин «мирские», встречающийся в документах всех согласий⁶. По данным МВД, многие простые крестьяне-нестарообрядцы, жившие рядом со староверами, считали, что «раскольничья вера — святая настоящая христианская, что в одной только этой вере и можно спастись, и что вера [официальная] православная или по народному названию, вера по церкви, есть вера мирская»⁷.

Характер регламентации общественной жизни также осознавался как религиозный. Староверы считали, что многие «порядки монастырские... приняли и в мире живущии истинныя христиане»⁸. Они «создали новую, неизвестную Православию степень христианского жития», в котором сочетались «монашеский устав и семейная жизнь»⁹. Мирская аскеза была быстро усвоена староверческими массами и широко использова-

⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 734. Д. 116. Л. 198 об; Руководство для обучения юношества в делах веры // Сборник для истории старообрядчества / сост. Н. [И.] Попов. М., 1866. С. 201.

⁶ Тюменские статьи 7313, генваря 2, февраля 13 // Духовная литература староверов Востока России. Новосибирск, 1999. С. 455, 459; «Пашенски статьи» // Духовная литература староверов Востока России. С. 465.

⁷ Синицын И. И. Записка с. с. Ив. Синицына (об экспедиции (1852) для статистического исследования народонаселения Ярославской губернии) // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 45, 46. Характерна выдержка из показаний одного угличского купца, перешедшего в старую веру: «Крещен был при рождении по церкви и в малолетстве был перекрыщен в христианство родителями» (Показания Угличского купца Ив. Вас. Выжилова // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 4. С. 246).

⁸ О. Валентин. Родословие часовенных Зауралья // Духовная литература староверов Востока России. С. 61.

⁹ См.: Куандыков Л. К. Выговские сочинения XVIII в. о скитском житии // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 30–35.

лась в повседневной жизни, что подтверждает анализ старообрядческих источников¹⁰. Многочисленные «Цветники»¹¹, уставы, «статейники»¹² служили в обыденной жизни типиконами, практическим руководством к подготовке душевного спасения не только духовных лиц, но и всех членов общины. Они содержали подробную религиозную, этическую и бытовую регламентацию, причем детали регламентации постоянно пополнялись.

В этом контексте аскетизм применяется ко всем элементам жизни старообрядца. Регламентировалось все: как читать книги, какие лекарства «чисты», а какие — нет, в какое время суток чем заниматься, как готовить, куда ставить посуду, куда класть одежду¹³. При этом основная часть бытовых запретов относилась именно к нововведениям и заимствованиям. В этом ряду назывались не только «брадобритие», «немецкий образец одежды», «ядение травы салата», употребление табака, картофеля («кобелиная мошонка»), устриц и лягушек, но и посещение «игрищ» — комедий, оперы, маскарадов и клубов, «конские ристания», а также содержание в домах «вместо икон» «картин Еллинских богов, древ и птиц» и многое другое¹⁴.

Исключением из запрета «новин» и заимствований являлись только технико-технологические новшества, что было обусловлено формированием духовной концепции Дела, ставшего ядром старообрядческой хозяйственной этики¹⁵.

Однако с развитием российского общества с середины XIX в. происходило постепенное ограничение аскетизма и трансформация традиционализма во всех сферах общественной жизни. Но в этом проявлялась

¹⁰ Тихомиров И. Раскол в пределах Калужской епархии. Прошлое и настоящее местного раскола. Калуга, 1900. С. 117.

¹¹ См., напр.: ОР РГБ. Ф. 247. Д. 548, 569, 570, 573, 763, 822; ф. 734. Д. 26, 116 и мн. др.

¹² «Нынешние признаки пребывания Никоновской церкви в ереси», «Сто статей московских поморского согласия», «Учение секты Федосеевой», «Учение и правила Филипповской секты» и др. (Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 191–198, 199–211, 212–231, 236–239; Мальцев А. И. Филипповский наставник Алексей Яковлев (Балчужный): Проблемы изучения биографии и творческого наследия // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 138).

¹³ ОР РГБ. Ф. 247. Д. 644; [Сия есть вера христианска к Богу...] // А[рхимандрит] П[алладий]. Обзорение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб., 1863. С. 193–197.

¹⁴ Власова В. В. Повседневные запреты в коми старообрядческих общинах // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2002. С. 515; Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв. С. 333, 337; Мельников П. И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 14. С. 48–49; Попов К. Раскол и его путеводители. М., 1909. С. 248; Сборник правительственных сведений о раскольниках. С. 191–198, 235–239.

¹⁵ Подробнее см.: Керов В. В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2016. С. 451–498.

скорее не секуляризация сознания, а, в значительной степени, характерное для всех конфессий (по выражению П. Г. Рындзюнского) примирение с окружающей жизнью¹⁶, отчетливо развивавшееся в предпринимательской и вообще фабричной среде с 1850-х гг.¹⁷

«Новые» староверы при этом сохраняли глубокую религиозность, не потеряв веры. Так, например, Т. С. Морозов за поездки в Англию, ношение английского сюртука и посещение Московского английского клуба был прозван «англичанином», но, по свидетельству современников, оставался глубоко религиозным, «истовым старообрядцем». Известный «борец с расколом» Н. И. Субботин упоминал его в письме К. П. Победоносцеву первым среди «главных представителей Московского раскола» и ходатаев за старообрядчество¹⁸. П. М. Вишняков нанял для детей гувернантку-немку, но придерживался крайне строгих религиозно-бытовых норм¹⁹. К. Т. Солдатёнов дружил с И. С. Аксаковым, М. П. Щепкиным, Л. Ф. Лагорио, периодически выезжал за границу. Религиозность, кроме того, не мешала «ему жить с француженкой Клемансой Карловной Дюпюи». Сначала пассия купца жила в доме с моленной, затем он купил ей отдельный дом. Одновременно Козьма Терентьевич, старообрядец по Рогожскому кладбищу, устроил в своем доме молельню, где иногда «служил сам... вместе со своим дальним родственником... для чего оба надевали кафтаны особого покроя». Другой крупный старообрядческий предприниматель М. С. Мазурин, хозяин Реутовской мануфактуры, женился на итальянской балерине²⁰.

К концу XIX в. некоторые предприниматели-старообрядцы имели университетское образование, окончив, в том числе, европейские университеты (Савва Морозов — кроме Московского университета учился в Оксфорде, Владимир Рябушинский — в Гейдельберге и т. д.). Однако

¹⁶ См.: Рындзюнский П. Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х гг. XIX в.) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950. С. 190.

¹⁷ Так, в книгах домашних расходов Е. Ф. Гучкова, пример которого обычно приводится в литературе, лишь с 1851/1852 г. появляются расходы на самовар, чай, «конфеты», лекарства, в том числе магнезию, трубочный табак, «сигары закавказские», театральные билеты, обучение детей музыке, пальто и галстук «для И. Ф. Гучкова» и пр. (сопр.: Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 122. Д. 502. Л. 10–15 (1847 г.), 19–61 (1851/1852, 1853 гг.).

¹⁸ См.: Ливанов В. Ф. Раскольники и острожники. СПб., 1868. Т. I. С. 449; Марков В. С. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка профессора Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). М., 1914. С. 440; Морозов С. Т. Дед умер молодым. Документальная повесть. М., 1992. С. 13.

¹⁹ См.: Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1905. Ч. I. С. 35.

²⁰ См.: Щукин П. И. Воспоминания. М., 1912. Ч. III. С. 22–24; Ч. IV. С. 21.

европеизация образа жизни, повышение образовательного уровня, формирование новых политических взглядов не исключали влияния религии в общественной и повседневной жизни старообрядческих предпринимателей, особенно в регионах. И в конце XIX в., по свидетельству В. П. Рябушинского, старообрядцы сохраняли приверженность традиционным ценностям. Рябушинский приводит как компендиум таких ценностей популярный среди московского старообрядческого купечества духовный стих об Иоанне Предтече, где указывались «дары Господа». Эти дары во многом вызывали к жизни храмоздание, собирание икон, прежде всего древних, «любовь и милостыня» в виде благотворительности — создания богаделен, больниц, «даровых столовых» и пр. И последним было собирание «читательной книги»²¹.

В соответствии с традицией, раскрытой В. П. Рябушинским, наиболее ценными предметами для старообрядца были иконы, ранние печатные книги и рукописи, то есть священные, литургические, христианские протрепетические, агиографические и другие тексты. По словам самих собирателей, коллекционирование икон и книг не являлось хобби. Как признавали старообрядцы, такие предметы воспринимались как религиозные — «святые дары» и, следовательно, были духовно связаны с церковью и молитвой.

Собранные книги и иконы часто завещали или дарили старообрядческим общинам, церквям или монастырям. Это касается не только крупных предпринимателей (братьев Рахмановых, Рябушинских, Егора Егорова, Козьмы Солдатёноква, Ивана Царского, Потапа Мальцева и других), но и мелких торговцев. Некоторые коллекции были настолько ценными, что на более позднем этапе стали наиболее существенными элементами музейных коллекций. Например, книги, собранные А. И. Хлудовым, такие как Псалтырь IX в. («Хлудовская псалтырь»), Изборник 1073 г. Святослава Ярославича, Псалтырь 1212 г., Новый Завет 1323 г. и др., оказались в сокровищнице Государственного исторического музея в Москве. Там же хранятся 444 древнерусских и средневековых европейских издания из собрания И. Царского, включая Апостола 1564 г. и Псалтырь 1568 г. Ивана Федорова, Острожскую Библию и др. Сохранились книги, собранные П. Мальцевым и другими крупными старообрядческими предпринимателями²².

²¹ См.: *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994. С. 153–155.

²² См.: *Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России. СПб., 1912; Отчет Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. [М.], 1926; *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872; *Протасьева Т. Н., Щепкина М. В.* Сокровища древней письменности и старой печати: обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного исторического музея. М., 1958.

Иллюстративным представляется пример Владимира Рябушинского. Один из лидеров старообрядчества, член Попечительского совета, вкладчик Рогожской старообрядческой общины в Москве и глава банковского филиала деловой империи Рябушинских глубоко интересовался историей и философией старой веры, религиозным искусством и книгами. Написал на них многочисленные статьи²³. Рябушинский считал, что религиозное искусство выше светского. «Конечно, и псалмы — литература и Пушкин — литература, но в нем нет благодати, а в псалмах есть. Вот почему они и чисто литературно так недостижимы, — писал он. — Они переходят в какую-то особенную, высшую категорию литературы»²⁴. Последние годы жизни Владимир Рябушинский писал книгу о русских иконах, но так и не увидел ее опубликованной. Уехав из страны, в 1927 г. вместе с братом Степаном основал и возглавил общество «Икона», которому было официально поручено изучение иконописи, включая ее богословские аспекты. Тем не менее основной функцией общества на самом деле была поддержка православных церквей, начатая в Западной Европе русскими эмигрантами, а именно их строительство, роспись, снабжение иконами²⁵. Иконы собирал также Ст. П. Рябушинский.

А вот «картинные галереи, музеи, театры» стоят, по мнению Владимира Павловича, «вне указанных категорий»²⁶. Любовь к «внешнему» искусству не была распространена среди старообрядцев, кроме понятного желания крупных успешных купцов украсить свои дома картинами и предметами роскоши.

Соответственно, в среде даже «новых старообрядцев» редкими были коллекционеры произведений светского искусства русских и тем более зарубежных художников. Подчас к старообрядцам причисляют выходцев из тверской ветви Морозовых — Михаила и Ивана Абрамовичей Морозовых. Михаил коллекционировал как современное «левое» европейское, так и древнегреческое искусство, его брат Иван также приобретал работы французских импрессионистов. Однако они в действительности не были старообрядцами. Еще их отец Абрам Абрамович перешел в единоверие²⁷,

²³ См.: Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство.

²⁴ Рябушинский В. П. Что такое икона? // Старообрядчество и русское религиозное чувство / В. П. Рябушинский. С. 175.

²⁵ См.: Вздорнов Г. И., Залеская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже. М., 2002. Т. 1–2. Оставаясь глубоко религиозным старообрядцем, Рябушинский при этом был вполне современным человеком: он увлекался автомобильным делом, активно участвовал в политической деятельности, в частности в организации партии «Союз 17 октября», Партии мирного обновления и Партии прогрессистов и пр. См.: Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1997.

²⁶ См.: Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. С. 153–155.

²⁷ Совокупность приходов, придерживающихся в богослужбной практике дониконовских книг и обрядов, но находящихся в иерархической юрисдикции Русской православной церкви.

и его дети, по воспоминаниям жены М. А. Морозова, воспитывались «уже в семье, далекой от обычаев старообрядчества»²⁸. Сам Михаил покинул и единоверческое сообщество и полностью перешел в лоно официального православия. Вскоре он стал старостой кремлевского Успенского собора²⁹.

Точно так же во втором поколении к пастве Синодальной церкви относился иногда причисляемый к старообрядцам известный меценат С. И. Мамонтов. Если Мамонтовы когда-то и были связаны со старой верой, то уже дед С. И. Мамонтова, Федор Иванович, был похоронен на официально-православном кладбище Звенигорода, а его отец, Иван Федорович, крестил Савву в синодальной Введенской церкви г. Ялуторска, о чем есть выписка из метрической книги³⁰.

Встречаются в литературе, в основном публицистической, упоминания старообрядческого вероисповедания братьев Третьяковых. Однако известно, что сын основателя московской династии Третьяковых, прибывшего из Малоярославца, Захар Елисеевич, пригласил для обучения своих сыновей дьячка синодальной Николо-Голутвинской церкви, и один из них, Михаил, стал старостой этой церкви³¹.

С. Т. Морозов был одним из основателей МХАТа, хотя старообрядческие традиции рассматривали театральное искусство как греховное. Например, Н. А. Бугров, миллионер и покровитель беглопоповского согласия старой веры, в 1897 г. купил старое здание нижегородского городского театра и подарил его Городской думе с условием, чтобы здесь «не допускалось устройства какого-либо театра и вообще увеселительного заведения, а равно... и продажи крепких спиртных напитков, чтобы доходы с этого дома пошли в особый фонд для раздачи бедным жителям города»³². Однако Савва Морозов не был религиозен и обладал специфическим характером. По свидетельству современников, он сам признавался, что «его в гимназии научили курить, и не веровать в бога»³³. По воспоминаниям его жены, З. Г. Морозовой, Н. А. Бугров как-то сказал самому Савве Тимофеевичу, что он «не церковник и не старообрядец, а бог знает кто»³⁴.

²⁸ Морозова М. К. Мои воспоминания // Наше наследие. 1991. № 6 (94). С. 97.

²⁹ Филаткина Н. А., Дроздов М. С. Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов. Опыт родословия. Ногинск, 1995. С. 10, 23, 24; Филаткина Н. А. Династия Морозовых: лица и судьбы. Москва, М., 2011.

³⁰ Боханов А. И. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 120.

³¹ Шумов П. С. Из воспоминаний о Павле Михайловиче Третьякове // Душеполезное чтение. 1899. Ч. 1. № 3. С. 379–380.

³² Седов А. В. Кержаки. История трех поколений купцов Бугровых. Н. Новгород, 2005. С. 130–131.

³³ Серебров А. (Тихонов А. Н.) Время и люди. Воспоминания, 1898–1905. М., 1960. С. 191.

³⁴ Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Ф. 216: Поповы Н. А., С. А. Д. 515: З. Г. Морозова-Рейнбот [1930-е гг.]. Записки. Воспоминания.

Исключением, подчеркивающим правило, был один из братьев Рябушинских, Михаил. Он был вполне религиозен, однако его собрание составили около 100 картин Д. Г. Левицкого, В. А. Тропинина, В. А. Серова и других русских художников, а также несколько произведений К. Моне, К. Писарро и Э. Дега³⁵.

В некоторых случаях финансовая поддержка «мирского» искусства была проявлением христианского милосердия. Например, М. Ф. Морозова, ревностная старообрядка, после смерти мужа возглавлявшая одну из крупнейших российских текстильных фирм, активно участвовала в жизни И. И. Левитана, выдающегося русского художника еврейского происхождения, который страдал от туберкулеза. Больному художнику разрешили жить и работать в павильоне у дома Морозовой. После того как Левитан умер, он был похоронен, по указанию Морозовой, как «близкий родственник». Тот флигель она и позже называла «левитановским»³⁶. В целом, в отличие от Н. А. Бугрова, Морозова не была категорически против светского искусства. В московском доме Морозовых в Большом Трёхсвятительском переулке висело несколько полотен, в том числе портрет Т. С. Морозова работы В. А. Серова. Мария Федоровна отправляла детей на спектакли Малого театра, в поездке по Германии водила их на экскурсии в художественные музеи, в том числе в Дрезденскую галерею³⁷. Но специальных финансовых вложений в светское искусство не делала³⁸, активно занимаясь благотворительностью в отношении образовательных и медицинских учреждений³⁹.

³⁵ Полунина Н. М. Рябушинский Михаил Павлович // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 2009. Т. 2. С. 596–597.

³⁶ Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1996. С. 29.

³⁷ См.: ОР РГБ. Ф. 322. К. 41. Д. 16. Л. 2; Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. С. 22, 23; Поткина И. В. На Олимпе делового успеха. Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004. С. 280.

³⁸ Лишь один раз она по просьбе любимого сына Саввы передала ему деньги на «мастерские и склад декораций для Художественного театра» (Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 87). У самого С. Т. Морозова паев предприятия и, соответственно, денег было не так много. Так, по его «счёту личных расходов» за 1898–1902 гг. предприниматель имел в разные годы всего по 30–50 тыс. руб. Кроме того, в разделе «По счёту пожертвований и вспомоществований» в разделе «выдано разным» числилось еще 9–13 тыс. Даже если присовокупить к этому довольно большие затраты по графе «удовольствия» (1,8 тыс. за 1898/1899 г. и 1,1 тыс. за 1899/1900 г.), миллионы, о которых писали некоторые современники (см., например: Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.; Л., 1924. С. 348; и даже: Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Таллинн; М., 1994. Т. 3. С. 159), никак не складываются (см.: ЦГА Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 102. Л. 1 об. — 13 об.).

³⁹ См.: ЦГА Москвы. Ф. 342. Оп. 2. Д. 284, д. 146, д. 152, д. 176; ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 34, 131, 132 и др., а также: Керов В. В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (419). С. 60–69.

Таким образом, филантропы и коллекционеры из числа старообрядческих предпринимателей не были любителями искусства как такового⁴⁰. Это были скорее люди, которые поддерживали искусство в его религиозных формах в первую очередь, чтобы таким образом способствовать укреплению духовности своей общины и осуществлению их христианского подвига. Одним из важнейших факторов этого явилась глубокая религиозность большинства крупных старообрядческих хозяев, сохранявшаяся, несмотря на рост их образованности и восприятие ими значительных элементов европейского образа жизни.

Список литературы

1. *Боханов А.И.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 189 с.
2. *Вздорнов Г.И., Залесская З.Е., Лелекова О.В.* Общество «Икона» в Париже. М.; Париж: Прогресс-Традиция, 2002. Т. 1. 599 с.; Т. 2. 286 с.
3. *Власова В.В.* Повседневные запреты в коми старообрядческих общинах // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2002. С. 515–521.
4. *Керов В.В.* «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-информ, 2016. 592 с.
5. *Керов В.В.* Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (419). С. 60–69.
6. *Куандыков Л.К.* Выговские сочинения XVIII в. о скитском житии // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск: Наука, СО, 1990. С. 30–35.
7. *Мальцев А.И.* Филипповский наставник Алексей Яковлев (Балчужный): Проблемы изучения биографии и творческого наследия // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.: «Языки славянской культуры», 2004. С. 138–156.
8. *Морозова Т.П., Поткина И.В.* Савва Морозов. М.: Русская книга, 1996. 202 с.
9. *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М.: Русская книга, 1997. 196 с.
10. *Полунина Н.М.* Рябушинский Михаил Павлович // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2009. С. 596–597.
11. *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха. Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004. 384 с.
12. *Протасьева Т.Н., Щепкина М.В.* Сокровища древней письменности и старой печати: обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного исторического музея. М.: Сов. Россия, 1958. 86 с.

⁴⁰ Каким, впрочем, не был и Гай Цильний Меценат, использовавший финансирование искусства для реализации культурной политики первого римского императора Октавиана Августа.

13. Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х гг. XIX в.) // Вопросы истории религии и атеизма. М.: АН СССР, 1950. С. 188–248.
14. Седов А.В. Кержаки. История трех поколений купцов Бугровых. Н. Новгород: Ново, 2005. 216 с.
15. Филаткина Н.А. Династия Морозовых: лица и судьбы. М.: Изд. дом ТОНЧУ, 2011. 582 с.
16. Филаткина Н.А., Дроздов М.С. Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов. Опыт родословия. Ногинск: Богородский печатник, 1995. 60 с.

References

1. Bokhanov A.I. Collectors and patrons in Russia. Moscow, Nauka Publ., 1989. 189 p. (In Russ.)
2. Vzdornov G.I., Zaleskaya Z.E., Lelekova O.V. The Icon Society in Paris. Moscow, Paris, Progress-Traditsiya Publ., 2002, vol. 1–2. (In Russ.)
3. Vlasova V.V. Everyday prohibitions in the Komi Old Believer communities. *Old Believers: history, culture, modernity*. Moscow, Muzei istorii i kultury staroobryadchestva Publ., 2002, pp. 515–521. (In Russ.)
4. Kerov V.V. «Behold the Man and His Work...»: confessional and ethical factors of Old Believer entrepreneurship in Russia. Moscow, Ekon-inform Publ., 2016. (In Russ.)
5. Kerov V.V. Maria Morozova and others: the gender aspect of Old Believer entrepreneurship. *Ural Historical Bulletin*. 2015, no. 4 (419), pp. 60–69. (In Russ.)
6. Kuandykov L.K. The Vyg writings of the 18th century on skete life. *Public consciousness, book culture and literature of the feudal period*. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian Branch, 1990, pp. 30–35. (In Russ.)
7. Maltsev A.I. The Filippovite preceptor Aleksey Yakovlev (Balchuzhny): problems in studying his biography and creative legacy. *Old Believers in Russia (17th–20th centuries)*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004, pp. 138–156. (In Russ.)
8. Morozova T.P., Potkina I.V. Savva Morozov. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1996. (In Russ.)
9. Petrov Yu.A. The Ryabushinsky dynasty. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1997. (In Russ.)
10. Polunina N.M. Ryabushinsky Mikhail Pavlovich. *Economic history of Russia from ancient times to 1917. Encyclopedia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, vol. 2, pp. 596–597. (In Russ.)
11. Potkina I.V. On the Olympus of business success. The Morozovs' Nikolskaya manufactory, 1797–1917. Moscow, Glavarkhiv Moskvyy Publ., 2004. 384 p. (In Russ.)
12. Protasyeva T.N., Shchepkina M.V. Treasures of ancient manuscripts and early printed books: a survey of Russian, Slavic and Greek manuscripts and early printed books of the State Historical Museum. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1958. (In Russ.)
13. Ryndzyunskiy P.G. The Old Believer organization under the development of industrial capitalism (the case of the Moscow Fedoseyevtsy community in the 1840s). *Questions of the history of religion and atheism*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1950, pp. 188–248. (In Russ.)

14. Sedov A. V. Kerzhaki. The history of three generations of the Bugrov merchant family. Nizhny Novgorod, Novo Publ., 2005. (In Russ.)
15. Filatkina N. A. The Morozov dynasty: faces and fates. Moscow, TONCHU Publ., 2011. (In Russ.)
16. Filatkina N. A., Drozdov M. S. The Morozovs. A dynasty of manufacturers and patrons. A genealogical study. Noginsk, Bogorodskiy pechatnik Publ., 1995. (In Russ.)

Сведения об авторе

Керов Валерий Всеволодович

доктор исторических наук, профессор кафедры социальной и экономической истории России
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)
Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1
E-mail: vvkerov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4853-1102

Для цитирования

Керов В.В. Христианское чувство или любовь к искусству? К вопросу о феномене меценатства старообрядческих предпринимателей в XIX — начале XX в. // Социум и власть. 2026. Т. 23. № 2. С. 35–47.

Kerov Valeriy V.

Christian Feeling or Love of Art? On the Question of the Phenomenon of Patronage by Old Believer Entrepreneurs in the 19th – Early 20th Centuries

Abstract. The article examines the character of art patronage by Old Believer entrepreneurs, including their collecting of works of art. Among the Old Believers, under conditions of strict traditionalism, the prohibition on novelty in creed and rite was extended to the regulated daily life of believers. As Russian society developed from the mid-19th century, asceticism was gradually relaxed and traditionalism was transformed across all spheres of an Old Believer's life, within a framework of „reconciliation with the surrounding world”. However, the Europeanization of their way of life and the rising educational level of major Old Believer entrepreneurs did not prevent them from retaining their religiosity and their adherence to traditional values. By the entrepreneurs' own testimony, the most valuable objects for an Old Believer were icons of „canonical painting”, as well as early printed „reading” books and manuscripts — sacred, liturgical, Christian protreptic, hagiographic and other texts perceived as religious objects, as „holy gifts” spiritually bound to the church and to prayer. Collected books and icons were often bequeathed or donated to Old Believer communities, churches or monasteries. Some collections were so valuable that they later became essential parts of present-day museum holdings. A love of „external” art (picture galleries, theatres) was not widespread among the Old Believers. Thus, with the rarest of exceptions, the Old Believers supported art only in its religious forms.

Keywords: Old Believers, patronage, collecting, religiosity, traditional values, icons, early printed books.

Information about the author

Kerov Valeriy V.

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social and Economic History of Russia
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
82, building 1, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation
E-mail: vvkerov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4853-1102

For citation

Kerov V. V. Christian Feeling or Love of Art? On the Question of the Phenomenon of Patronage by Old Believer Entrepreneurs in the 19th – Early 20th Centuries. *Society and Power*. 2026, vol. 23, no. 2, pp. 35–47. (In Russ.)